

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Макс Красин

18+

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА

КОНТРАКТ НА МИЛИ

Макс Красин

Золотая клетка.

Контракт на Мили

<https://litres.ru/73843407>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — самый дорогой трофей жестокого параноика-олигарха. Птица, запертая в золотой клетке, где каждый шаг фиксируют камеры, а за малейшую непокорность следует жестокое наказание.

Мой новый телохранитель должен был стать очередным безжалостным надзирателем. Макс. Ледяная скала. Элитный наемник с глазами цвета надвигающегося шторма. Нам запрещено смотреть друг на друга. Нам нельзя чувствовать. Мой муж пообещал уничтожить его за один только лишний взгляд в мою сторону.

Но когда стены особняка начинают рушиться под пулями наемников, а тайные ведомства открывают на нас охоту, этот бездушный волкодав становится моим единственным щитом. Я думала, что самое страшное — это гнев моего мужа. Но я еще не знала, что настоящая смертельная ловушка захлопнется в тот момент, когда я доверю своему телохранителю собственное сердце. Потому что в этой игре у каждого есть свое двойное дно.

Осторожно: очень эмоционально и шокирующий финал!

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА I: Тень в особняке	7
ГЛАВА II: Кровь на серпантине	22
ГЛАВА III: Цена милосердия	40
ГЛАВА IV: Торги хищников	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Макс Красин

Золотая клетка.

Контракт на Мили

ПРОЛОГ

Мили

Ночной лес пах гарью и абсолютной обреченностью.

Где-то внизу, в долине, содрогался от взрывов особняк, который еще утром был моей золотой клеткой, а теперь превратился в пылающую ловушку. Атакующие не брали пленных.

— Закрывайте дверь, — его голос прозвучал ровно и тяжело.

Я перестала дышать. Макс остался стоять на пороге старого бетонного бункера. Жесткий, измазанный чужой кровью и грязью, затянутый в тяжелый штурмовой бронежилет. Человек-машина. Мой личный телохранитель, который прямо сейчас добровольно вычеркивал себя из списка живых.

Он уходил обратно в этот ад, чтобы увести их за собой и спасти меня.

— Макс, нет! — я бросилась к дверям, намертво вцепившись побелевшими пальцами в его бронежилет. Слезы хлы-

нули из глаз, застывая взор. — Умоляю тебя, не уходи!

Он стоял неподвижно, как гранитная скала. Эта ледяная покорность судьбе сводила меня с ума.

— Ты не можешь! — мой голос сорвался на истеричный, надрывный крик. Я попыталась встряхнуть его за плечи, но с таким же успехом могла бы бить руками бетонную стену. — Я приказываю тебе остаться! Ты сам говорил, что моя безопасность — твой приоритет! Ты обязан защищать меня!

Его штормовые глаза потемнели, отражая всполохи далекого пожара, но в них читалась лишь глухая, непреклонная решимость. Он не собирался отступить.

Моя ярость разбилась о его молчание, оставив лишь отчаяние. Я бессильно опустила руки и уткнулась лбом в жесткую ткань его брони, задыхаясь от рыданий.

Макс осторожно, но уверенно отцепил мои дрожащие пальцы от своей экипировки. Его взгляд потеплел, когда он посмотрел в мое заплаканное лицо. Он не стал читать мне лекций о долге. Не стал просить прощения.

Он опустил руку к боковому карману тактических штанов и достал ту самую стеклянную фигурку белого голубя, которую я купила ему на набережной.

— Я помню, кто ты для меня, Мили.

Он шагнул вплотную, и его жесткие, обветренные губы накрыли мои. Это был самый короткий поцелуй за всю мою жизнь. Всего лишь мгновение. Отчаянный, солоноватый от моих слез и пропахший порохом. Но он обжег меня так силь-

но, словно внутри взорвалась сверхновая, оставляя после себя абсолютную, слепую веру в этого мужчину.

— Ты вернешься? — сорвавшимся шепотом спросила я, цепляясь за него взглядом, как за последнюю соломинку. — Пожалуйста... просто вернись.

Макс сжал мою ладонь, передавая мне холодное стекло.

— Так точно, Мелисса Сергеевна.

Уголок его губ дрогнул в той самой горькой, но теплой усмешке, которую я так отчаянно любила. Он отпустил мою руку, сделал шаг назад в лесную чащу и, не оборачиваясь, тихо и абсолютно бесшумно растворился в ночи, уходя на верную смерть.

Лязгнул металл. Тяжелая стальная дверь бункера с грохотом захлопнулась изнутри, отрезая меня от внешнего мира.

Я медленно осела на грязный бетонный пол, сжимая в руке стеклянную птицу, и закричала.

Две недели назад...

ГЛАВА I: Тень в особняке

Мили

Южное солнце выжигало сад, превращая особняк Артура в раскаленную духовку из мрамора и шелка. Я стояла у окна, сжимая бокал с ледяной водой. Мне было всего двадцать восемь, а пять лет удушливого брака с Артуром ощущались как целая вечность. Холод стекла не приносил облегчения — шелк платья лип к спине, а внутри всё ныло от дурного предчувствия.

Тяжелый черный внедорожник глухо прошуршал шинами по гранитной брусчатке. Очередная «обновка» Артура. Мой муж окончательно провалился в паранойю: старый телохранитель исчез за час, даже не забрав вещи. Теперь на его место придет другой. Очередная тень, обязанная фиксировать каждый мой вздох и строчить отчеты.

— Мелисса, дорогая, иди сюда, — рокочущий голос Артура ворвался в мою тишину. — Познакомься со своим новым ангелом-хранителем.

Я обернулась нехотя, ожидая увидеть очередного охранника, прячущего свой мужской интерес за служебной выправкой — именно за такие взгляды Артур обычно и стирал их в порошок. Но в дверях стоял *он*.

Максим. Он не вписывался в этот вычурный интерьер. В его облике было что-то дикое, колючее. Его взгляд не скользил

нул по мне с привычной похотью или почтением слуги — он смотрел на меня с абсолютным, ледяным равнодушием.

— Это Макс, — Артур по-хозяйски положил тяжелую ладонь на плечо мужчины. Я заметила, как едва уловимо дернулась челюсть Максима. Ему явно это не понравилось. — Мне продали его как лучшего из лучших за большие деньги. Искренне надеюсь, что у него хватит мозгов продержаться здесь дольше своего предшественника.

Я сделала глоток воды, не отводя от него глаз. В этом доме было куплено всё. Но глядя в эти стальные глаза, я впервые за годы засомневалась: сколько же нужно денег, чтобы купить такую породу?

— Надеюсь, вы понимаете, Макс, — мой голос прозвучал сухо, — что охранять меня здесь, в этой крепости — значит охранять, прежде всего, от скуки.

Максим замер. Его взгляд стал еще острее.

— Прошу прощения, — его голос ударил по комнате холодным металлом, — но мой приоритет — ваша безопасность. От скуки мои навыки вам вряд ли помогут.

Он опустил голову, официально завершая словесный поединок, но я знала: он всё понял. В отличие от прежних охранников, чьи взгляды всегда были с тщательно скрываемым вождением, этот обдавал меня абсолютным, непроницаемым холодом. И то, что его ледяное равнодушие вдруг задело меня, напугало куда сильнее, чем любая угроза мужа.

Я подошла к Максиму ближе.

— Вы ошибаетесь, Макс, — прошептала я так, чтобы Артур, отвлекшийся на телефон, не услышал. — Навыки выживания — это именно то, что нужно в этом доме, чтобы не сойти с ума.

Артур положил трубку и обратил внимание на мой взгляд на Максима.

— Безопасность — это главное, — довольно хмыкнул Артур. Он подошел к Максу вплотную, грубо отодвинув меня в сторону, и его голос стал угрожающим: — Но запомни, парень: Мелисса — мой самый дорогой трофей. Эксклюзив. Ты должен присматривать за ней, но не вздумай прикасаться. А если я замечу в твоём взгляде хоть тень лишнего интереса... я отрежу тебе яйца. Понял меня?

— Так точно! — коротко ответил Макс.

В дверях мелькнула Марта. Горничная вошла бесшумно, неся поднос. Она была по-своему хороша — каштановые волосы, лукавый изгиб губ, — но за привычным смирением прислуги я давно видела нечто иное. Её взгляд на долю секунды метнулся к Максу, задержавшись на его широких плечах и сконцентрированном лице. Сначала в нем промелькнуло чисто женское одобрение, оценка породистого самца, но оно мгновенно сменилось чем-то пугающим — хищной жадностью охотника, заведящего достойную добычу.

— Марта, — я выпрямилась, возвращая маску хозяйки. — Покажи Максиму его комнату. В левом крыле, рядом с моими покоями. Приказ Артура — охрана должна находиться

рядом.

Глаза Марты вспыхнули.

— Идите, Макс. Обживайтесь. По необходимости вас пригласят.

Он уже развернулся, чтобы следовать за Мартой, но в дверном проеме остановился.

— Разрешите обратиться... — я едва заметно кивнула, позволяя ему продолжить. — Я всю жизнь провел на поле боя. Я не знаю манер и титулов которые здесь приняты. Как мне правильно к вам обращаться?

Я замерла. Для Артура я была трофеем. Для гостей — украшением.

— Для гостей я — Мелисса Сергеевна, — произнесла я тихо, видя как снова Артур орет на кого-то в трубку. — Но за закрытыми дверьми... Зовите меня Мили, Макс. Без титулов.

«Пусть хотя бы человек, отвечающий за мою жизнь, называет меня по имени», — с горечью подумала я.

Марта в коридоре вздрогнула. Для неё это было крушением иерархии. Для меня — первым глотком кислорода.

Макс

Тяжелая дубовая дверь отсекала голос хозяина особняка. Я шел за Мартой, чувствуя, как подошвы вязнут в дорогом ворсе ковров. Особняк напоминал лабиринт, выстроенный для одного эгоиста.

Марта резко остановилась в галерее левого крыла, где не

было камер. Она обернулась, и маска покорной прислуги мгновенно сползла с её лица.

— «Мили»... — прошептала она, пробуя слово на вкус. В её голосе скользнула ядовитая усмешка. — Она никогда не разрешала охране называть её по имени. Даже тем, кто проработал здесь больше года, приходилось довольствоваться официальным тоном.

Она сделала скользкий шаг в мою сторону, сокращая дистанцию до той грани, где у оперативника начинается инстинктивная тревога.

— Вы впечатлили её, Макс. Или напугали. В этом доме это часто одно и то же, — Марта коснулась моего предплечья, кончики её пальцев на мгновение задержались на ткани пиджака. — Но будьте осторожны. Артур Романович очень дорожит своими трофеями. А она — самый дорогой его экспонат.

— Я здесь для работы, Марта. А не для изучения музейных ценностей, — отрезал я, не сводя с неё тяжелого, сканирующего взгляда.

— Работы? — она прищурилась, и в её глазах промелькнул опасный, оценивающий блеск. — Работа здесь — это искусство не задавать вопросов и вовремя закрывать глаза на происходящее.

— Кстати, о закрытых глазах, — я сделал шаг к ней. — Почему ушел мой предшественник?

Марта усмехнулась, но в этой усмешке не было ни капли

веселья.

— Ушел? Нет, Максим. Он не ушел. Хозяин любит иногда унижать свою куклу на глазах у охраны и персонала, чтобы показать, кто в доме хозяин. Тот парень совершил фатальную ошибку: после очередного приступа агрессии Артура, когда Мелисса упала, в нем проснулся рыцарь, и он помог ей подняться с пола. Где он теперь — тайна, покрытая мраком. И, поверьте мне, Максим, никто в этом доме не горит желанием ее разгадывать.

Она выдержала паузу, позволяя мне переварить эту информацию, а затем ее голос снова приобрел бархатистые, воркующие нотки:

— Я надеюсь вы не будете играть в рыцаря.

— Мне не нужны неприятности, Марта. — твердо сказал я.

— И если ночью вам что-то понадобится... вода, свежие полотенца или просто захочется узнать, что на самом деле скрывают эти стены — моя дверь старшей горничной через две комнаты. Только ночью здесь маски падают вместе с одеждой.

— Но почему только ночью? Днем помощи не ждать?

Она замерла, сбита с толку моей холодной иронией. На её губах появилась тонкая, почти снисходительная улыбка.

— Днем у стен есть уши, а у зеркал — память. Днем мы все играем роли. Я — послушная тень, вы — каменная статуя. Главное, чтобы госпожа не заметила, как вы на меня

смотрите. Она... она очень ревностно относится к тому, что считает своим. Особенно если это «свое» начинает проявлять признаки жизни.

Она толкнула дверь моей комнаты.

— Располагайтесь. Ужин для персонала в семь.

Марта исчезла в коридоре так же бесшумно, как и появилась. Я остался один. Бросив сумку на кровать, я даже не взглянул на роскошь обстановки. Первым делом — проверка периметра.

Я стоял у окна, оценивая сектора обстрела во внутреннем дворе, когда в дверь коротко, но уверенно постучали. Я мгновенно развернулся, рука машинально дернулась к поясу, где под пиджаком скрывалась кобура.

Дверь приоткрылась. На пороге стояла она.

Мелисса сменила строгое светлое платье на более легкое, шелковое, цвета глубокого изумруда. Волосы были распущены, и я поймал себя на том, что мой взгляд на секунду зацепился за то, как шелк струится по ее фигуре, прежде чем я заставил себя вернуть на лицо непроницаемую маску.

— Макс, — она не вошла внутрь, оставаясь в дверном проеме. — В восемь мы с мужем будем на террасе. Артур настаивает на вашем присутствии. Кофе, свежий воздух и... очередная демонстрация власти. Постарайтесь быть там вовремя.

— Принято. В восемь на террасе. — отчеканил я.

Она сделала паузу, глядя на меня снизу вверх своими

огромными, полными затаенной тревоги глазами. Затем она повернулась и ушла. Её шаги по ковру были почти неслышны, но я провожал взглядом ее тонкую спину до самого поворота в галерею.

Мили

Вечерний воздух был пропитан ароматом жасмина, но я задыхалась. Каждое слово Артура, каждая его пошлая шутка вонзалась в тишину террасы ржавым гвоздем.

Муж не просто пил кофе — он демонстрировал право собственности. Его рука на моем колене была не жестом нежности, а клеймом. Он не стеснялся присутствия Макса, вслух обсуждая свои грязные планы на ночь.

— Знаешь, дорогая, — Артур пригубил коньяк, лениво очерчивая пальцем контур моей коленной чашечки, — я хочу, чтобы завтра ты надела то черное платье с открытой спиной. И то кружево под него, которое я вчера тебе купил. Хочу рассмотреть тебя внимательно... без лишних свидетелей.

Артур повернулся к Макс, в его заплывших глазах вспыхнул издевательский огонек:

— Наш новый цербер ведь не боится темноты? Ночью он будет охранять вход в твою спальню, Мили. Пусть привыкает к звукам этого дома. Пусть слушает, как ты отрабатываешь стоимость его услуг.

Я бросила взгляд на Макса. Он стоял у каменной колонны — живое воплощение идеальной дисциплины. Но когда

наши взгляды встретились на секунду, я увидела там не пустоту наемника. Там было звериное напряжение. Он видел, как пальцы Артура слишком сильно, до синяков, сжимают моё колено.

— Макс! — внезапно рявкнул Артур, не отрываясь от экрана телефона. — У Мелиссы Сергеевны упал платок. Подними. И принеси мне из кабинета пепельницу. Живее.

Платок — тонкий лоскут шелка — лежал у моих ног, рядом с дорогой туфлей мужа. Это была проверка. Мелкое, ничтожное унижение, чтобы показать «лучшему из лучших» его место в пищевой цепи.

Я посмотрела на Макса с немым извинением. Он подошел. В его скупых движениях не было гордыни — только сухая, пугающая сосредоточенность солдата. Он поднял платок, положил его на край стола, но не двинулся с места за пепельницей.

— Артур Романович, я работаю в службе охраны, — его голос, тяжелый как свинец, разрезал вечернюю тишину. — Моя задача — безопасность вашей супруги. Обслуживание в мои обязанности не входит. Если вам нужен лакей, я могу покинуть этот дом прямо сейчас.

Тишина стала абсолютной. Артур медленно отложил телефон. Лицо его налилось багровой кровью.

Я затаила дыхание. В этот миг Макс казался мне выше и прочнее всех колонн этого проклятого особняка.

— Что ты, сука, сказал? — Артур грубо отшвырнул крес-

ло и встал, вплотную подойдя к Максусу. — Я плачу тебе столько, что ты должен хвостом вилять по команде, пес!

— Оставь его, Артур, — я заставила себя встать между ними, пытаюсь разрядить обстановку. — Он ведь ещё не знает твоих правил. И ты же сам говорил, что нам нужен профессионал, а не прислуга.

— Заткнись! — взревел Артур.

Он резко замахнулся, посылая тяжелую ладонь в сторону моего лица. Я зажмурилась, приготовившись к привычной вспышке боли, но удара не последовало.

Раздался лишь глухой звук удара плоти о плоть. Я открыла глаза. Макс стоял абсолютно неподвижно, не изменившись в лице, но его рука мертвой, стальной хваткой вцепилась в запястье Артура в сантиметрах от моего виска.

— Безопасность Мелиссы Сергеевны — мой приоритет, Артур Романович, — голос Макса звучал как скрежет надвигающегося ледника.

Артур тяжело задышал, пытаюсь вырвать руку, но хватка телохранителя была железной. В глазах олигарха на мгновение промелькнул животный, неподдельный страх перед превосходящей силой. Наконец, Макс медленно разжал пальцы. Артур отшатнулся, потирая покрасневшее запястье, и криво усмехнулся, пытаюсь сохранить лицо.

— Храбрый пес. Хорошо, — процедил он сквозь зубы. — Марта! Живо пепельницу и убери этот чертов платок.

Он развернулся и ушел, с грохотом захлопнув за собой

дверь. Марта, пробегая мимо нас с подносом, бросила на Макса взгляд, полный обжигающего, почти безумного восторга.

Я осталась перед ним одна. Сделала шаг навстречу — тот самый шаг, что отделяет госпожу от живой женщины.

— Зря ты это сделал, Макс, — прошептала я, чувствуя, как дрожат колени. — Он не прощает таких вещей. Никогда.

— Простите за испорченный вечер, Мили. Я принял контракт. И если ваша безопасность будет под угрозой... я буду защищать вас. Даже от него.

Его слова ударили меня сильнее любой пули. Защищать от собственного мужа.

— Ты хоть понимаешь, кому сейчас объявил войну? — я почти коснулась его плеча, но в последний момент отдернула руку, боясь обжечься о его ледяную выдержку. — Иди к себе, Макс. И спасибо. За... платок.

Макс

Я шел по вечернему коридору, чувствуя, как удушливая атмосфера этого дома давит на плечи тяжелее бронежилета. У входа в мою комнату я заметил силуэт. Марта ждала меня, небрежно прислонившись к косяку. Без форменного чепчика, с рассыпавшимися по плечам волосами.

— Ты еще дышишь, Макс? — её голос вибрировал от странного, темного возбуждения. — Я была уверена, что после такой дерзости Артур прикажет ребятам из внешней

охраны прострелить тебе руки прямо на террасе.

Она сделала быстрый шаг навстречу, преграждая мне путь. Её ладонь легла мне на грудь, прямо над сердцем. Тонкие пальцы чуть сжались, сминая дорогую ткань пиджака.

— Ты даже не рыцарь, Макс. Ты безумец. Опасный, обреченный безумец, — прошептала она. — Артур уже заперся с Шитовым, начальником своей охраны. Как думаешь, о чем они шепчутся?

Я не отстранился, но мой взгляд остался холодным, считывающим её истинные мотивы, как прицельная сетка.

— О том, как сэкономить на моих похоронах, полагаю, — сухо ответил я. — Можешь убрать руку, Марта. Убегать я не собираюсь.

Она усмехнулась, придвигаясь почти вплотную.

— Я здесь, чтобы предложить тебе союз. Второго дня в этом доме у тебя может не быть, если ты решишь играть в героя-одиночку. Артур не просто выгоняет, Макс. Он перемалывает. Он стирает людей из памяти.

— В армии говорят, что верный союзник стоит целого взвода, — я слегка наклонил голову. — Если твой «союз» поможет мне сохранить голову для выполнения контракта, то я выслушаю. Но что с этого хочешь ты?

— Информация в обмен на... твоё внимание, — Марта игриво опустила глаза в пол, изображая смущение, в которое я не поверил ни на секунду.

— Я внимательно слушаю, — отрезал я, не поддерживая

её игру.

Она мгновенно стала серьезной.

— Есть только одно правило, которое спасет твою жизнь: никогда... — она приподнялась на полупальцы, прошептав это мне почти в самые губы, — слышишь, никогда не думай, что ты можешь спасти принцессу. Она его главная игрушка. Артур скорее сожжет этот склеп вместе с ней, чем позволит кому-то другому даже коснуться её руки.

Я коротко кивнул, принимая информацию, аккуратно отодвинул её с дороги и вошел в комнату. Дверь замкнулась автоматически. Войдя, я сел на край идеально застеленной кровати, я расстегнул пиджак и достал из внутреннего кармана потертую фотографию. Моя дочь Лиза улыбалась мне из другой, почти забытой, нормальной жизни. Жизни, которой у меня больше не было.

Послышался легкий щелчок. Ручка моей двери тихо опустилась вниз.

Дверь медленно, без единого скрипа приоткрылась. Я не обернулся, не схватился за оружие — я почувствовал этот запах ванили еще до того, как Марта переступила порог. Она вошла, даже не подумав постучать используя мастер-ключ старшей горничной.

— У тебя есть плохая привычка входить без стука, Марта. В моем мире это обычно плохо заканчивается, — произнес я, убирая фотографию обратно под сердце.

— Твой мир остался за высоким забором, Макс. А здесь

правила пишу я, — она подошла ближе. В её взгляде больше не было игривости — только жесткая серьезность, от которой веяло могильным холодом. — Завтра в шесть утра Артур едет на свой горный карьер. Официально — проверить добычу ископаемых. Он хочет лично увидеть, как ты справишься с тяжелой бронемашинной на серпантине.

Я усмехнулся, глядя в окно на ночной сад.

— Решил проверить мои рефлексy? Думает, я не справлюсь с управлением тяжелого джипа?

— О, он знает, что ты прекрасно справишься, — Марта сделала шаг назад к двери, растворяясь в тенях. — Но он не просто хочет посмотреть на твоё вождение. Это не проверка квалификации, Макс. Это его план мести. Он никогда не прощает, когда его унижают перед женой. На карьере техника безопасности — понятие очень растяжимое. Там постоянно что-то «случайно» происходит.

Она задержалась в дверном проеме, бросая на меня последний, долгий взгляд. В её глазах на секунду мелькнуло совершенно искреннее сожаление.

— Артур хочет, чтобы твоя смерть выглядела как досадная производственная травма. Будет чертовски обидно, если ты завтра исчезнешь, так и не дав мне возможность узнать тебя поближе, Макс, — она горько усмехнулась. — Ложись спать. Тебе понадобятся все твои силы. Завтра будет не поездка. Это будет дуэль, где у твоего противника в руках все козыри.

Дверь бесшумно закрылась.

В этом доме всё имело свою цену. И я только что понял, что моя жизнь завтра утром на горном серпантине будет стоить не дороже того брошенного кружевного платка.

ГЛАВА II: Кровь на серпантине

Макс

Шесть утра встретили меня ледяным спокойствием горного воздуха. Туман еще цеплялся за верхушки кипарисов, а роса на капоте тяжелого бронированного внедорожника блестела, как чешуя мертвого зверя.

Я закончил предрейсовый осмотр. Командир всегда говорил, что я — профессиональный параноик, но в моем мире паранойя — это всего лишь форма вежливости по отношению к смерти. Я проверил не только уровень масла. Мои пальцы, защищенные тонкими тактильными перчатками, ощупали колесные арки, днище и каждый сантиметр тормозных шлангов. Никаких «жучков», никаких магнитных мин. Чисто. Пока что.

Шаги Артура я слышал задолго до того, как его туша показалась на дорожке. Он вышел из дома в дорогом спортивном костюме, от которого несло свежим кофе и той самоуверенностью, что обычно предшествует крупным неприятностям. В его взгляде не осталось и следа вчерашней ярости — только холодный, исследовательский интерес. Так смотрят на новый нож, прежде чем проверить остроту лезвия на собственном пальце.

— Не спится, Макс? — Артур небрежно щелкнул пальцами, и ключи полетели в мою сторону.

Я поймал их в воздухе, даже не шелохнувшись.

— Привычка, Артур Романович. Рассвет — лучшее время для проверки периметра.

— Садись за руль. Едем в карьер. Хочу лично увидеть, как «лучший из лучших» справляется с серпантином, — он криво усмехнулся, поправляя часы. — И помни: время — деньги, а твоя задача — доставить меня вовремя.

— Разрешите уточнить, — я не спешил открывать водительскую дверь. — Кто останется на посту в доме? В моё отсутствие Мелисса Сергеевна остается без защиты.

Артур резко обернулся. Его лицо вмиг налилось нездоровым багрянцем, а глаза сузились до щелок.

— Не твое собачье дело, кто здесь останется, — прошипел он, подходя почти вплотную. — Здесь камер и датчиков больше, чем в хранилище Центробанка. Ты здесь второй день, а уже пытаешься учить меня, как мне распоряжаться моей безопасностью? Ты сначала докажи делом, что ты стоишь хоть половину тех бабок, что я в тебя ввалил, а потом будешь раскрывать рот. Сейчас твоя задача — крутить баранку и не вякать. Понял?

— Так точно, — ответил я, сохраняя ледяной тон.

— Безопасность — это то, за что я тебе плачу, — Артур грузно опустился на кожаное сиденье и тут же уткнулся в планшет. — А теперь — пошел. Посмотрим, на что ты годен в деле.

Я плавно вывел машину со двора. Двигатель отозвался

мощным, глухим рыком, вибрируя под моими ладонями. Но перед тем как выехать за ворота, я не выдержал. Взгляд сам собой метнулся к окнам второго этажа.

Там, за тяжелым стеклом, дрогнула занавеска. Мили. Она стояла в тени, бледная, как призрак этого особняка. Я почувствовал её взгляд кожей — он был полон такой концентрированной тревоги, что на мгновение мне показалось, будто я сам заразился её страхом.

Я не обернулся. В моем секторе обстрела не должно быть места для чувств. Но сжимая руль, я понял, что этот рассвет не сулит нам ничего хорошего.

Дорога к карьере начала петлять, вгрызаясь в скалы. С одной стороны — отвесная стена, с другой — туманная бездна, готовая принять любого, кто совершит ошибку.

— Быстрее, Макс, — не отрываясь от экрана, бросил Артур. — Покажи мне, за что я вывалил такую сумму. Или ты умеешь только красиво хватать запястья?

Я сжал руль крепче, чувствуя, как адреналин начинает медленно вливаться в кровь.

— Держитесь, — сухо бросил я.

Педаль газа ушла в пол. Бронированный монстр рванул вперед, и гонка со смертью началась.

Дорога сузилась до критического минимума. Скорость — сто десять. Для четырехтонного бронированного внедорожника на влажном серпантине это предел. Артур сзади про-

должал что-то печатать, демонстративно игнорируя наклон кузова в поворотах, но я видел в зеркало, как напряглись его плечи.

Грузовик вылетел из-за скалы внезапно. Старый, перегруженный камнями ЗИЛ, водитель которого, видимо, считал эту трассу своей личной вотчиной. Он шел по центру, не оставляя нам места даже для молитвы.

В голове мгновенно включился «бортовой компьютер». Дистанция — пятьдесят метров. Скорость сближения — фатальная. Тормозить? Бесполезно. Бронированная туша просто пойдет юзом и впечатается в радиатор грузовика, превратив нас в консервы.

— Что ты делаешь?! Тормози! — взвизгнул Артур, когда я вместо тормоза резко ударил по газу и переключился на пониженную.

Двигатель взвыл, как раненый зверь. Я вывернул руль влево, направляя морду машины прямо в пустоту обрыва.

— Псих! Ты нас убьешь! — Артур вцепился в ручку двери, его лицо стало цветом придорожной пыли.

Я не слушал. Колеса прошли в сантиметрах от края. Гравий с сухим шорохом посыпался в пропасть. В последний момент, когда бампер грузовика уже маячил перед лобовым стеклом, я резко дернул руль вправо, пуская машину в контролируемый занос.

Воздушный поток от пронесшегося мимо ЗИЛа качнул нас так, что заложило уши. Зеркало со стороны пассажира

разлетелось в щепки, коснувшись борта грузовика, но основная масса металла разошлась в каких-то пяти сантиметрах.

Я выровнял курс и плавно сбросил скорость. В салоне воцарилась тяжелая, липкая тишина. Только двигатель недовольно урчал, да слышалось прерывистое, хриплое дыхание Артура.

Олигарх сидел неподвижно. Его маска «хозяина жизни» осыпалась, обнажив испуганного человечка, который только что заглянул в глаза смерти.

— Ты... — Артур запнулся, пытаясь вернуть голосу власть, но тот сорвался. — Ты чуть не убил нас, сука! Ты должен был тормозить!

Я бросил на него короткий взгляд в зеркало. Мой пульс уже приходил в норму.

— Если бы я нажал на тормоз, Артур Романович, нас бы уже соскребали с этого скального выступа. Я выбрал единственный вариант, при котором мы остались живы. Зеркало я заменяю за свой счет.

Артур медленно разжал пальцы, впившиеся в кожу сиденья. Его лицо из белого начало становиться багровым — гнев возвращался, чтобы прикрыть позор.

— Ты рискнул моей жизнью, — прошипел он. — Ты всего лишь гребаный вояка! Как ты смеешь так рисковать мной?!

— Вояка, который доставит вас на объект в целости, — отрезал я. — Вы просили показать, за что платите деньги. Экзамен окончен или продолжим ускоряться?

Артур ничего не ответил. Он отвернулся к окну, но я видел в отражении стекла его сжатые челюсти. Он ненавидел меня в этот момент. И это было хорошо. Ненависть лучше, чем недооценка.

Мы въехали в зону карьера. Пыль, гул техники и предчувствие, что настоящий экзамен начнется не на дороге, а здесь, среди серых камней.

Карьер встретил нас гулом тяжелой техники и едкой известковой пылью. Место выглядело как идеальная тактическая ловушка: высокие срезы породы, ограниченные пути отхода. На бетонных блоках у въезда сидели два охранника в дешевых камуфляжных формах; они курили и подозрительно не обращали внимания на подъехавший внедорожник босса, даже не шелохнувшись для формального приветствия. Это был первый звонок — в мире Артура прислуга обычно вытягивалась во фрунт при одном звуке его мотора.

Но Артур не собирался оставлять меня у машины.

— Пошли со мной, — скомандовал он, поправляя воротник. — Хочу показать тебе новую ветку выработки. Там... сложный участок. Нужно продумать логистику охраны.

— Но что здесь можно украсть, Артур Романович? — попытался поддержать разговор я.

— Ты слишком любопытный для вояки и слишком тупой для элиты. — огрызнулся Артур. — Знаешь сколько раз уже пытались украсть мой бизнес? Поэтому не напрягай свои из-

вилины вопросами, а смотри где нужно усилить охрану.

Ложь была шита белыми нитками. Я чувствовал, как напряжение вибрирует в воздухе. Мы шли вглубь, мимо огромных ковшей экскаваторов. Мой взгляд сканировал каждый уступ. Слишком много техники стоит не на своих местах. Вон тот самосвал... если он тронется, он просто сбросит нас в дробилку.

Артур остановился у самого края глубокого обрыва. Его руки дрожали, когда он указывал вниз.

— Видишь ту платформу? Нам нужно спуститься...

Я не смотрел вниз. Я смотрел на тех двоих камуфляжных шутов, которые шли в нашем направлении. А сзади них черный внедорожник без номеров, который медленно выкатился из-за груды отсева прямо к нашему броневику, отрезая путь назад. Из него начали выходить люди. Трое. В тактическом снаряжении, с глушителями на стволах. Профессионалы.

Я усмехнулся, глядя на Артура.

— Артур Романович, серьезно? — мой голос был полон ледяного презрения. — Может камнепад? Или «случайное» падение с обрыва? Но вот это — я указал в сторону машины — это так дешево и примитивно. Могли бы придумать что-то более изящное, чем этот маскарад с наемниками.

Артур обернулся, его взгляд встретился с черными фигурами у машины. Его лицо мгновенно стало землистым.

— О чем ты... Это не мои... — он попятился, едва не со-

рвавшись вниз. — Макс, это не я! Это не мои люди! Клянусь!

Животный ужас в его глазах был слишком натуральным. Значит, план «несчастливого случая» только что накрылся планом чьей-то полноценной ликвидации. И Артур в нем был не заказчиком, а мишенью.

— Бегом! — рявкнул я, доставая пистолет “Глок”.

Я перешел из режима пассивной защиты в режим спасения своего нанимателя. Прижав Артура к земле, я буквально потащил его за собой к массивному грейдеру. Под первыми пулями, которые вспороли пыль у наших ног, один из «курящих» охранников рухнул замертво. Второй оказался проворнее — он сумел добежать до камнедробилки и, задыхаясь, выхватил пистолет.

Я дотащил Артура до грейдера и одним мощным рывком затолкнул его в огромный стальной ковш.

— Где остальная охрана?! Где вообще люди на карьере?! — прокричал я сквозь грохот выстрелов.

Артур вжался в дно ковша, его лицо исказила истерика.

— Никого... никого нет! — выкрикнул он в ответ.

Я не стал спрашивать дважды. Всё стало ясно: по его первоначальному плану свидетели ему были не нужны. Ирония судьбы в том, что его же жадность теперь работала на его убийц.

— Сидите здесь и не высовывайтесь! — крикнул я, пригибаясь.

Один из наемников вел прицельный огонь, укрывшись за

нашим внедорожником. Двое других побежали по дороге вверх, стремясь занять высоту. Один из них замер за валуном, выпрямившись в полный рост — наглец чувствовал себя в безопасности. Я выждал секунду, пока он подставится, и нажал на спуск. Две пули вошли точно в грудь, выбив облачка пыли из его тактического жилета, а третья, пущенная чуть ниже, раздробила бедро. Наемник охнул и осел, подставив голову под мой четвертый, решающий выстрел. Его тело безвольно сползло по камню, оставляя густую багровую полосу. Пыль карьера стала его последним пристанищем.

Но тот, что остался у машины, уже вовсю поливал ковш с Артуром свинцом. Третий исчез из поля зрения, явно заходя нам в тыл через насыпи.

Я нырнул под днище грейдера. Известковая пыль забила ноздри. Я видел только ноги того, что у машины. Я поймал его ступни в прицел и нажал на спуск. Пули перебили обе голени, и наемник с криком рухнул лицом в камни. Я не дал ему шанса — следующий выстрел заставил его тело обмякнуть. Мертв.

Я начал выбираться из-под машины, и в этот момент пространство разорвал хлесткий, сухой хлопок. Не автомат. Снайперская винтовка.

Пуля ударила в левое плечо, разворачивая меня. Боль была ослепляющей. Я почувствовал, как кусок ткани вместе с плотью улетает куда-то за спину. Вскрикнул от ярости, падая за стальное колесо. Кровь мгновенно пропитала рубаш-

ку, становясь горячей и липкой.

— Да стреляй ты! — заорал я второму охраннику у камнедробилки. — Вон оттуда огонь! С уступа! Прикрой!

Парень, дрожа всем телом, вскинул руки. Он успел выпрямиться, ловя направление... и в ту же секунду его голова дернулась, а из затылка выплеснулось багровое пятно. Точный выстрел снайпера закрыл его глаза навсегда. Бесполезная жертва.

Снайпер был хорош. Сидел где-то высоко, контролируя каждый мой дюйм. Мне нужно было заставить его выстрелить.

Я рассчитал траекторию переката от одного колеса грейдера до другого и приготовился к прыжку, хотя левая рука уже безвольно висела, залитая кровью.

— Артур, сиди тихо, — прошипел я в сторону ковша.

Рывок. Я ушел в низкий кувырок, чувствуя, как плечо взрывается вспышкой белой боли. *Дзинь!* Пуля вспорола землю именно там, где я был долю секунды назад. Пока стрелок передергивал затвор своей винтовки — у меня было окно. Одна секунда.

Я выкатился с другой стороны, вскидывая «Глок» единственной рабочей рукой. Плечо горело, зрение на мгновение поплыло, но инстинкты сработали быстрее. Я увидел его — серый, почти прозрачный силуэт на фоне неба.

Один выстрел. Навскидку.

Снайпер качнулся вперед и медленно, словно нехотя, со-

скользнул с уступа. Он падал молча, пока не ударился о камни в десяти метрах ниже.

Тишина. Только звон в ушах и хриплое дыхание Артура из стального чрева ковша.

— В машину, — прохрипел я, с трудом поднимаясь на ноги. — Быстро, Артур.

Я затолкнул олигарха в салон. Перед глазамиплыли серые круги, а холодный липкий пот заливал лицо. Нужно было убираться отсюда немедленно, пока я окончательно не «выключился» от потери крови. Вдавив газ, я пачкал дорогую кожу сидений своей кровью, но сейчас меня волновало только одно — успеть доехать до ворот. Теперь я точно знал: этот день только начинается.

Плечо горело так, словно в него вкручивали раскаленный шуруп. Руль, перехваченный только правой рукой, казался чужим и неповоротливым.

Я рванул с места, взметая облако известковой крошки. Мы еще не успели проехать и сотни метров, когда из-за стоявшего на обочине самосвала выскочил черный седан. Тот самый. Подкрепление. Они не собирались выпускать нас живыми.

— Пригнись! — рявкнул я Артуру, вжимая голову в плечи.

В ту же секунду окна седана расцвели вспышками. Сухой треск выстрелов перекрыл рев двигателей. Пули забарабани-

ли по броне, высекая искры. Стекло пошло белой паутиной, но выдержало. Броня — это хорошо, но она не спасет, если они изрешетят колеса.

Седан ударил нас в бок, пытаясь развернуть поперек дороги. Внедорожник содрогнулся, металл взвизгнул, но масса была на нашей стороне.

Мы вылетели на серпантин. Узкая полоска асфальта, зажатая между отвесной скалой и бездной. Седан шел вплотную, бампер в бампер. Моё зрение начало сужаться — классический «тоннельный эффект» при кровопотере. Пятно на рубашке расползлось, кровь уже начала капать на коврик, а ладонь на руле становилась скользкой.

Я видел, как ствол автомата снова высунулся из окна преследователей. Они метили по дискам. Нужно было кончать с ними прямо сейчас, пока у меня еще хватало сил удерживать траекторию.

Я намеренно сбросил газ, позволяя им сравняться с нами. Седан пошел на обгон со стороны обрыва. Безрассудно. Самоубийственно. Они надеялись зажать нас или пробить шины в упор.

«Не на того напали», — мелькнуло в голове.

Я чувствовал инерцию своего четырехтонного зверя. Подождал, пока они поравняются бампер в бампер, и, когда передний срез их капота оказался на уровне нашей центральной стойки, резко крутанул руль влево.

Удар был страшным. Скрежет разрываемого металла за-

глушил всё. Я не просто толкнул их — я начал «оттирать» седан к самому краю, используя массу внедорожника как пресс. Правая рука работала на пределе, удерживая машину от заноса в скалу.

Они пытались сопротивляться, мотор седана был на за-предельных оборотах, но физика — жестокая штука. Колеса противника зависли над пустотой.

Впереди был крутой поворот. Мой единственный шанс.
— Держись! — выдохнул я, почти теряя сознание от боли.

За метр до поворота я резко ударил по тормозам и вывернул руль вправо. Мой внедорожник, визжа резиной и крепясь, вошел в вираж. Седан, шедший на полной скорости и лишенный моей «поддержки», по инерции продолжил движение прямо.

В зеркале заднего вида я увидел, как черная тень беззвучно оторвалась от края. Секунда тишины — и где-то далеко внизу, в тумане пропасти, расцвел огненный цветок взрыва.

Я не остановился. Даже не замедлился. Нога судорожно давила на газ.

— Макс... ты... ты кто вообще... — Артур подал голос сзади. Он смотрел в окно, туда, где исчезли его несостоявшиеся убийцы.

— Грёбанный вояка, Артур Романович. Едем домой, предупредите периметр, — прохрипел я.

Артур набирал номер за номером, орал в трубку, истерил. Перед глазами плыло всё сильнее. Сознание удержива-

лось только на голом адреналине и образе Лизы. Я должен довести эту мразь до дома. Должен увидеть Мили.

Цель — дом. Больше ничего не имело значения. Кровь заливала сиденье, становясь холодным липким грузом, но я держал руль мертвой хваткой. Экзамен на выживание продолжался.

Тяжелые кованые ворота особняка распахнулись, медленно и бесшумно, как пасть сытого хищника. Охрана периметра, вышколенная и бесполезная в реальном бою, уже суежилась на подъездной дорожке.

Я затормозил у самого крыльца. Резко. Настолько, насколько позволили затекшие мышцы правой ноги.

Двигатель заглох, и в салоне воцарилась тишина, которая показалась мне оглушительнее взрыва в пропасти. Я сидел, не шевелясь, чувствуя, как с каждым ударом сердца жизнь толчками уходит из плеча. Левая сторона тела превратилась в сплошной очаг пульсирующей боли. Рубашка прилипла к сиденью, кожаный салон хлюпал под локтем.

Артур на заднем сиденье не спешил выходить. Я видел его в зеркало. Он сидел, вжавшись в угол, и смотрел на мой затылок. В его глазах не было благодарности. Там не было даже облегчения. Только дикий, первобытный страх.

Он смотрел на мои руки, перепачканные бурым, на мои побелевшие костяшки, всё еще сжимающие руль. Артур начинал «инструмент». Дорогую, эффективную игрушку, ко-

торая должна была тешить его самолюбие и отгонять мелких сошек. Но за последние сорок минут он понял, что купил не цепного пса. Он купил ангела смерти, который прошел сквозь свинец и пламя, не издав ни единого стона.

— Мы на месте, Артур Романович, — мой голос прозвучал чуждо и хрипло, словно шелест сухих листьев.

Он вздрогнул. Его кадык дернулся. Артур попытался вернуть лицу выражение властность, но губы предательски дрожали.

— Ты... ты должен был сказать, что ранение серьезное, — выдавил он, наконец решаясь открыть дверь. — Нужны медики.

Я медленно повернул голову. Пятна перед глазами стали больше, но я поймал его взгляд.

— Оставьте, Артур Романович. Кровь — это следствие неправильных действий. По типу «несчастливого случая» на краю платформы... Вы ведь хотели убедиться, что я стою своих денег? Надеюсь, я вам предоставил исчерпывающий отчет.

Артур выбрался из машины, едва не споткнувшись о порог. В этот момент на крыльцо выбежала Мили. Её лицо было бледным, глаза расширены от ужаса. Она замерла, глядя на изрешеченный пулями внедорожник.

Артур, шатаясь, прошел мимо неё. Он даже не взглянул в её сторону, словно её там вообще не было. Наоборот, он задел её плечом, едва не сбив с ног в своей истеричной спешке

попасть в безопасный дом. Его верные церберы тут же подхватили его под руки, запричитали, и он скрылся в дверях, выкрикивая приказы усилить посты и отправить людей на карьер.

Для Артура я перестал быть просто Максом. Теперь я был для него ожившим кошмаром. Тем самым существом, которое может убить тремя выстрелами, не моргнув глазом, и которое невозможно купить до конца.

Я нашел в себе силы открыть водительскую дверь. Сознание опасно качнулось, когда я ступил на гравий. Холодный воздух немного протрезвил мозг, но я понимал: у меня осталось от силы пара минут, прежде чем тьма окончательно заберет свое.

Я стоял, опираясь здоровой рукой на капот броневика, который теперь выглядел как решето. Кровь продолжала капать с моих пальцев на чистый, белый мрамор дорожки.

Мили увидела мое состояние. Она не шла — она летела по ступеням, и в этом движении было столько жизни, сколько я не видел за все годы своей службы.

«Только не падай, Макс», — приказал я себе, сжимая зубы так, что хрустнуло в ушах. — «Не сейчас. Не перед ней».

Мили стояла в двух шагах от меня. Она больше не изображала ледяную леди. Её губы дрожали, а взгляд лихорадочно метался по моей разорванной рубашке, по руке, по багровым пятнам на белом граните.

— Макс... — её голос сорвался на шепот. — Господи, ты же весь в крови...

Она протянула руку, её пальцы коснулись моего здорового плеча. Это легкое прикосновение обожгло меня сильнее, чем пуля снайпера.

— Я сдал экзамен, Мили... — выдохнул я, пытаясь показать улыбку. — Осталось дождаться оценки.

Мир начал медленно вращаться вокруг меня. Цвета закатного неба стали слишком яркими, кричащими. В этот момент пространство между нами разорвал резкий, уверенный голос:

— Мелисса Сергеевна, отойдите! Немедленно!

Марта появилась словно из ниоткуда. В её руках была раскрытая аптечка, а взгляд был холодным и расчетливым. Она бесцеремонно вклинилась между мной и Мили, отталкивая её плечом так грубо, словно хозяйка дома была досадной помехой.

— Артур Романович ждет вас в кабинете, — бросила она через плечо, даже не удостоив Мили взглядом. — У него нервный срыв. Идите к мужу, выполняйте свой долг. А Макс... Макс — это моя работа. Я знаю, как обрабатывать такие раны.

Марта повернулась ко мне, и её лицо мгновенно преобразилось. В глазах вспыхнул странный, почти хищный огонек торжества. Она настойчиво обхватила меня за талию, прижимая к себе.

— Обопрись на меня, Макс. Идем, сейчас же. Ты потерял слишком много крови.

Я попытался сопротивляться, хотел сказать, что мой пост здесь, у двери Мили, но ноги окончательно превратились в вату. Тьма подступила к самым краям зрения, сужая мир до запаха ванили и медикаментов, исходящего от Марты.

— Нет... я должен... — прохрипел я, пытаюсь высвободить руку, но Марта лишь крепче вцепилась в меня.

— Вы ничего не должны, кроме как выжить, — как будто специально громко произнесла она, и в её голосе не было жалости, только жадное право собственности. — Идемте. Сейчас защитнику госпожи нужна моя защита... по крайней мере, пока я не залатаю ваши дыры.

Я видел, как побледнела Мили. Она стояла на ступенях, внезапно став маленькой и беззащитной в своем собственном доме. Её глаза, полные невысказанной боли и бессилия, были последним, что я запомнил перед тем, как сознание окончательно провалилось в бездну.

Марта уверенно вела меня прочь от парадного входа, вглубь коридоров для прислуги, и я уже не мог ничего изменить.

ГЛАВА III: Цена милосердия

Мили

В доме пахло тишиной и ледяным ужасом. Охрана, обычно мозолившая глаза в коридорах, затаилась по углам. Все чувствовали: зверь ранен, и сейчас он не различает своих и чужих.

Я подошла к дверям кабинета Артура. Из-за массивного дуба доносился звон разбитого стекла и надрывный, хриплый голос, который я едва узнавала. Это не был голос уверенного в себе хозяина жизни. Это был скулеж загнанного в угол зверька.

Я толкнула дверь.

Кабинет напоминал поле боя. Антикварная ваза разлетелась вдребезги у камина, кресло перевернуто, а на ковре расплывалось темное пятно от пролитого виски.

Артур ходил из угла в угол неровными, рваными шагами, то и дело задевая мебель. Его спортивный костюм был в белой пыли, а лицо побагровело от душащей его ярости. Он не просто злился — он был в бешенстве, которое граничило с безумием.

— «Спас» он меня... Тварь... — рычал он под нос, не замечая моего присутствия. — В ковш меня... Как мусор... Как паршивую псину... А сам? Терминатор хренов... Глядел на меня как на дерьмо... Сдохнуть я там должен был, а не это

всё... Слышишь, сука?!

Он внезапно ударил кулаком по дубовому столу, от чего лампа на нем подпрыгнула. Потом он посмотрел на меня.

— Он должен был сдохнуть вместе с ними!

— Артур? — я сделала шаг вглубь комнаты, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. — Боже мой! Что произошло?

— Что произошло? — его глаза налились кровью, в них не было и капли человеческого. — Меня чуть не размазал на серпантине мой собственный пес, а потом чуть не превратили в решето какие-то сраные наемники.

— Какой ужас! Дорогой, может быть что-то нужно? — я изо всех сил старалась изобразить заботу.

— Мне нужны нормальные охранники! Мне нужны трупы тех, кто думают, что могут так просто прийти за мной!

— Но кто посмел на такое пойти, Артур?

Его глаза злобно прищурились.

— Этот мудака, Завадский, кто же ещё! Вечно свои ручонки тянет к моим деньгам. Мерзкий червь, я размажу его по этому карьеру!

Он схватил со стола стакан и швырнул его в стену. Осколки долетели до моих ног.

— Ты видела его? Раненый «ангел», — прошипел он, подходя ко мне почти вплотную. — Думаешь, я не заметил, как ты на него пялилась у ворот? Глазки блестели, губки дрожали... Жалкое зрелище, Мили.

Артур больно схватил меня за подбородок, заставляя

смотреть ему в глаза.

— Он видел меня там... на коленях. Видел, как я прятался. Ты ведь поэтому на него так смотришь, да? Ищешь в нем то, чего не нашла во мне? Так вот, слушай: я не оставлю свидетеля этого спектакля в моем доме. И уж точно не позволю своей жене пускать слюни по наемному куску дерьма.

Он оттолкнул меня так сильно, что я едва удержалась на ногах. Его лицо перекосилось от ядовитого торжества.

— Артур, стой! — я едва не упала, вцепившись в край кресла, чтобы сохранить равновесие. — О чем ты говоришь? Ты сам вчера привел его в дом, сам твердил, что он лучший! А сегодня... Ты видел его? Он был буквально залит кровью! Ты же знаешь, как я её боюсь, у меня помутилось в глазах, я просто испугалась за тебя! Только за тебя! Я люблю тебя, Артур, как ты можешь в этом сомневаться?

Артур замер, его тяжелое дыхание на мгновение прервалось. Он смерил меня подозрительным взглядом, ища в моих словах фальшь, но я держала маску безупречно.

— Если он не сдохнет сегодня, то завтра точно. Наслаждайся его последними часами, Мили. Потому что скоро этот «герой»... — он схватил телефон и нажал кнопку вызова начальника безопасности.

— Шитов! Ко мне в кабинет. Сейчас же!

Через минуту в кабинет вошел начальник службы безопасности — грузный мужчина с каменным лицом. Его взгляд был холодным и профессиональным.

— Артур Романович, — прочеканил Шитов, даже не обратив внимания на моё присутствие.

— Валера, слушай внимательно. Мне нужно, чтобы этот новенький выскочка исчез до утра. А если эта живучая тварь чудом не сдохнет... ночью ты закончишь дело сам. К рассвету он должен кормить червей на дне самой глубокой сточной канавы. Ты меня понял? — процедил Артур, сверля начальника охраны тяжелым взглядом.

Я стояла всего в нескольких шагах от них, посреди разгромленного кабинета, и чувствовала, как ужас парализует каждую мышцу. Воздух мгновенно выбило из легких. Смертный приговор. Артур только что хладнокровно, прямо при мне, приказал убить Макса. Мужчина, который вчера вечером защитил меня, а сегодня пролил свою кровь, спасая этого монстра, не должен был пережить эту ночь. Паника сдавила горло, но я заставила себя врасти в ковер и не издать ни звука. Для этих двоих я была сейчас просто пустым местом, при которой можно спокойно обсуждать грядущее убийство.

— Позвольте... Можно решить этот вопрос более изящно. Нам сейчас ни к чему лишний шум в стенах дома.

Артур замер, тяжело дыша.

— Говори.

— В карьере были люди Завадского. Это ясно на сто процентов, почерк его наемников, и это не в первый раз. Помните того посыльного, которого мы отправили к нему с

уликами в прошлом месяце? — Шитов сделал паузу, многозначительно глядя на Артура. — Он вернулся к нам в пакетах. По частям. Завадский не ведет переговоров, он уничтожает. Вам сейчас нельзя так рисковать, особенно вспоминая недавние события в Италии... лишнее внимание спецслужб нам не нужно.

Артур сузил глаза, вслушиваясь во вкрадчивый голос начальника охраны.

— Так что позвольте это сделать Завадскому, — продолжал Шитов. — Отправим этого выскочку прямо к Роману. Якобы для личного разговора от вашего имени. И всем будет хорошо. Завадский сам закончит начатое, когда узнает, что именно этот парень положил его наемников. Я прослежу, чтобы он это узнал. А мы останемся в стороне.

На лице Артура медленно расплылась злорадная, хищная усмешка. Он снова повернулся ко мне, и в его взгляде вспыхнула новая, еще более мерзкая идея.

— Иди к своему защитнику, Мили, — процедил он, смакуя каждое слово. — Скажи ему, что как только он сможет встать на ноги и волочить свою потрепанную задницу, пусть тащится ко мне в кабинет. Мне нужно с ним... поговорить. О его блестящем будущем.

— Артур, ты издеваешься? — я попыталась возмутиться, чувствуя, как внутри закипает отчаяние. — У меня охрана меняется чаще, чем погода в горах! Ты совсем перестал ценить мою безопасность? Еще вчера ты рассказывал, что

Макс лучший, а сегодня он это доказал своей кровью. И теперь ты хочешь, чтобы я сама привела его к тебе на расправу за то, что он не дал тебе погибнуть?

Артур весь напрягся, его пальцы судорожно сжались на горлышке бутылки. Я видела, как он готов был запустить эту бутылку в меня, но в следующую секунду в его глазах мелькнуло что-то злое. Он словно уже видел финал этой истории.

— Я сказал — иди, — его голос стал ледяным и пугающе спокойным. — И передай «герою», чтобы сейчас отдыхал, а ночью он будет тебя охранять.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как внутри всё леденеет. В этом доме смерть больше не пряталась в тених — она сидела за дубовым столом и планировала «встречу». У меня было совсем мало времени. Если я не вытащу Макса сейчас, завтра утром его может уже не быть.

Покинув кабинет Артура, я почти бежала вверх по лестнице и далее в сторону нашего левого крыла, где располагались мои покои и комната Макса. Коридор, обычно безупречный, залитый мягким светом и пахнувший свежими цветами, теперь казался оскверненным. По всему светлому ворсу ковра, от самой лестницы и до двери его комнаты, тянулся страшный, прерывистый багровый след. Кровь. Её было пугающе много. Моё сердце пропустило удар.

Дверь приоткрылась, и Марта бесшумно вышла из комна-

ты Макса, прикрывая её за собой. В руках она держала металлический лоток с окровавленными бинтами. Заметив меня, она почтительно опустила глаза, но в её голосе скользнула патока, от которой у меня свело скулы.

— Мелисса Сергеевна, — она чуть склонила голову. — Вам не стоит здесь находиться. Запах крови и медикаментов так быстро впитывается в волосы и шелковую одежду... Я всё уберу, как только закончу с раной вашего подчиненного.

— Оставь заботу о моем внешнем виде прачкам, Марта, — я ответила ровно, не повышая тона, хотя внутри всё дрожало от недавней сцены с мужем. — У меня к нему поручение от Артура. Мне нужно войти.

Марта не сдвинулась с места. Её маска идеальной горничной оставалась безупречной, но пальцы, сжимающие край металлического лотка, побелели.

— Как прикажете, госпожа. Только он сейчас вряд ли вас услышит. Он без сознания, — она сделала крошечную паузу, демонстративно поправляя испачканный кровью фартук. — К тому же... я еще не успела его одеть после операции на плече. Кровь пропитала всю его одежду, так что пришлось раздеть его полностью, Мелисса Сергеевна. Зрелище не для ваших глаз. Столько шрамов, столько свежих ран... Мужчинам его склада бывает неприятно, когда хозяйка видит их такими... раздетыми и беззащитными.

Её слова были мягкими, как шелк, но под ними скрывалось отравленное лезвие. Она смаковала каждое слово, наме-

кая на свою физическую близость к нему. На то, что она видела и трогала то, что мне недоступно. Внутри меня вспыхнуло ледяное упрямство. Я не собиралась отступать перед прислугой и отдавать ей человека, ради которого впервые за долгое время решила нарушить правила Артура.

— Его наняли защищать мою жизнь, Марта. Меня не пугают его раны и внешний вид. Как не смущает и твоя... излишняя медицинская опека, — я сделала плавный шаг вперед, глядя прямо в её обманчиво-покорные глаза. — Дай войти.

Марта послушно, но медленно отступила в сторону. На её губах мелькнула едва уловимая, снисходительная улыбка женщины, которая знает чужой секрет.

— Конечно, Мелисса Сергеевна. Только осторожнее у кровати. Там натекло... с бинтов. Не испачкайтесь.

Я вошла в комнату Макса. Здесь всё было точно так же, как в моих покоях — та же массивная мебель, те же тяжелые шторы, — но воздух казался совершенно иным. Он был густым, пропитанным запахом спирта, железа и мужского пота. Запахом жестокой, неприкрытой реальности, от которой меня так старательно оберегали.

В доме стояла гнетущая, неестественная тишина, от которой звенело в ушах. Я знала, что где-то там, в дальнем конце особняка, в своем кабинете, Артур с Шитовым уже плетут для него смертельную паутину, и от этого осознания пере-

хватывало дыхание.

Макс лежал на кровати, неестественно бледный. Как и сказала Марта, он был обнажен, но белоснежная простыня укрывала его по пояс. Его мощное тело, которое еще утром казалось незыблемой скалой, сейчас выглядело пугающе уязвимым. Плечо было туго стянуто слоями марли, сквозь которую уже проступило свежее багровое пятно крови.

Я опустилась на колени у кровати Макса, чтобы быть как можно ближе.

— Макс, открой глаза, — едва слышно прошептала я, наклоняясь так близко, что мои волосы скользнули по его бледной щеке. — Ты должен выжить, слышишь? Мне столько нужно тебе сказать... о чем предупредить. Но я хочу, чтобы ты смотрел на меня, когда я это сделаю.

Я замерла, вглядываясь в его лицо. Он не шевелился, дышал тяжело и прерывисто. В груди разлилась горячая, удушьяющая волна вины. До его появления я была просто идеальной фарфоровой куклой на полке Артура. Я не жила, я просто существовала в этой золотой клетке, смирившись со своей мертвой ролью, ожидая того дня, когда меня просто выкинут или найдут замену помоложе.

А потом появился он. Один его взгляд — колющий, прямой, не признающий моей искусственной ценности — заставил меня вспомнить, что я дышу. Что у меня есть кровь, и она может пульсировать от страха и... от чего-то еще, давно забытого.

— Ты единственный, кто посмотрел на меня как на живую женщину, а не на дорогую вещь, — мой голос сорвался на жалкий, сдавленный шепот. Я позволила себе то, чего никогда бы не сделала при свете дня: моя рука дрогнула и легко, почти невесомо легла на здоровую сторону его груди. Под ладонью ровно и сильно билось сердце. — Когда ты перехватил руку Артура на террасе... в ту секунду я впервые за три года перестала бояться. Я смотрела на тебя и понимала, что мое спасение будет недолгим. Артур не прощает тех, кто сильнее его. Я знала, что он попытается тебя убить. Но когда вы уехали на этот проклятый карьер, я всем сердцем верила, что ты вернешься. И ты вернулся. Пролил свою кровь, спас это чудовище... а всё стало только хуже. Эта жизнь, которую ты во мне разбудил... она не стоит твоей. Я стала твоим смертным приговором.

Горячая слеза сорвалась с моих ресниц и разбилась о его напряженную ключицу.

— Пожалуйста, Макс... выживи. Ради меня.

Из коридора донеслись тихие, размеренные шаги Марты. Время вышло. Я поспешно выпрямилась, стирая слезы, и направилась к двери, чувствуя, как часть моей души остается здесь, у этой пропитанной кровью постели.

Макс

Тяжесть. Она навалилась на грудь бетонным блоком. Я попытался пошевелить левой рукой, и боль пронзила плечо на-

сквозь. Сознание, до этого плававшее в тумане, рывком вернулось в реальность.

Запах. Резкий, бьющий в ноздри спирт и... ваниль.

Я открыл глаза. Потолок был знакомым — не белый гипс больничной палаты, который не раз встречал меня после заданий. Сквозь плотно задвинутые тяжелые портьеры пробивалась лишь узкая полоса полуденного света, рассекая полумрак моей комнаты в особняке.

— Пришел в себя, герой? — голос Марты прозвучал совсем рядом.

Я повернул голову. Она сидела на табурете, отложив в сторону окровавленный бинт. Её лицо казалось бледным в свете настольной лампы, а на лбу запеклась полоска моей крови.

— Сколько я... — я запнулся, пытаюсь сглотнуть сухой ком в горле. — Сколько я провалился?

Марта усмехнулась, но в этой улыбке не было тепла.

— Пять часов крепкого сна. Мало для такой раны, но достаточно, чтобы ты успел истечь кровью, если бы не я.

— Что с Прохиным? — я заставил себя сосредоточиться на деле. — Нашли заказчика на карьере? И... — я сделал паузу, словно просто уточняя список объектов защиты, — Мелисса Сергеевна? Она в порядке?

Марта замерла. Она медленно подняла взгляд, и я увидел в её глазах нечто такое, что заставило мой внутренний «радар» взвыть от опасности.

— Хозяин все пять часов в кабинете, заливают ужас и

ярость дорогим виски. А ваша Мелисса Сергеевна... заходила сюда, пока ты был в отключке. — Марта горько, снисходительно усмехнулась. — Знаешь зачем? Передать приказ мужа. Ни грамма сочувствия, Макс. Ни единого вопроса о том, выживешь ли ты после того, как твое плечо превратили в фарш.

Я едва заметно нахмурился. Её слова звучали убедительно и хлестко. Моя реальность спорила с её словами, но я промолчал, позволяя ей играть дальше.

Она наклонилась ближе.

— Ты едва не сдох по дороге, Макс. Как вообще с такой раной можно вести машину? Я долго зашивала тебя, пока охрана Артура бегала по периметру, как испуганные курицы. И знаешь, что ты спросил первым? Как дела у них. У людей, для которых ты — просто... просто прислуга и расходный материал. А о той, кто всё это время спасал твою жизнь... ни слова?

Я через силу заставил себя криво усмехнуться. Боль в плече пульсировала в такт словам.

— Спасибо, Марта. За то, что не дала мне превратиться в часть ландшафта на том гравии, — я поймал её взгляд, стараясь, чтобы ирония была острее иглы, которой она меняшила. — Боюсь только, Артур Романович твоего милосердия не оценит. У него ведь в карьере на меня были совсем другие планы. И моё возвращение в них явно не входило.

Она с пониманием взглянула на меня, но ничего не отве-

тила. Её рука скользнула под мою подушку и вытащила помятый клочок бумаги. Моё фото. Лиза.

— Пока ворочала тебя, зашивая, нашла вот это. Милая девочка, — Марта смотрела на снимок с какой-то странной, почти материнской нежностью, которая тут же сменилась холодным расчетом. — Это твоя дочь?

Я попытался потянуться за фото, но острая боль пригвоздила меня к кровати.

— Положи на место, — отрезал я.

— Где ты служил, Макс? — она проигнорировала мою злость, внимательно изучая моё лицо. — Слишком чистые швы у тебя на теле для обычного солдата удачи. Слишком много шрамов от профессиональных тренировок. Ты ведь не просто телохранитель, верно? Откуда ты пришел на самом деле?

Внутри всё похолодело. Она копала слишком глубоко. Намного глубже, чем положено любопытной горничной.

— Марта, давай сменим тему, — мой голос стал стальным, несмотря на слабость. — Моё прошлое — это не то, о чем стоит болтать в этой комнате. Есть вещи, которые лучше не знать. Ради твоего же блага.

Она на мгновение замерла, глядя мне прямо в зрачки, словно пытаясь найти там подтверждение своим догадкам. А потом её лицо внезапно разгладилось. Холод в глазах сменился обволакивающей теплотой.

— Ты прав, — прошептала она, убирая фото обратно под

подушку. — Зачем нам прошлое, когда у нас есть настоящее? Я думаю, что оно продлится не долго, ты здесь, в этой комнате. Ты жив. По крайней мере пока. Не знаю, что за планы на тебя у Артура Романовича, но в моих планах есть желание узнать тебя поближе.

Её пальцы, всё ещё едва уловимо пахнущие железом и спиртом, коснулись моей щеки, медленно спускаясь к шее. Расстояние между нами сократилось до критического.

В этот момент тишину комнаты разорвала резкая вибрация. Телефон в кармане её передника ожил. Марта вздрогнула так, словно её ударили током.

Я заметил, как её взгляд метнулся к экрану. Лицо женщины мгновенно стало серьезным. Она судорожно сбросила вызов.

— Мне пора, — она вскочила, её движения стали рваными, нервными. — Тебе нужен покой, Макс. Физические нагрузки сейчас убьют тебя быстрее, чем пуля. И выбрось из головы мысли о защите этой... хозяйской птички. Она того не стоит.

Она почти выбежала из комнаты, захлопнув дверь и оставив меня в тревожной тишине.

— Её защита — мой приоритет, — хрипло произнес я в пустоту, больше для самого себя.

Я лежал, глядя в полумрак потолка, и чувствовал, как остатки лекарственного тумана окончательно улетучиваются. Телефонный звонок. Её нескрываемая паника. Ложь о

Мили. Марта вела свою собственную игру, и я только что понял: в этом особняке я был зажат не только между Артуром и наемниками в карьере. Я оказался прямо в центре невидимой паутины, сплетенной кем-то очень терпеливым.

Лежать неподвижно было пыткой, но армейская выучка брала свое. Как только запах ванили растворился в воздухе после побега Марты из моей комнаты, я, стиснув зубы до скрипа, спустил ноги с кровати. Пространство качнулось, перед глазами поплыли черные пятна. Плечо пульсировало в барабанном ритме, но мне нужно было осмотреться. Только сейчас, опустив взгляд, я с мрачным раздражением констатировал факт: Марта раздела меня догола. Чертыхнувшись, я дотянулся до заботливо перекинутых ею на спинку стула чистых брюк. Натянуть их, действуя лишь одной здоровой рукой и балансируя на грани обморока от боли, оказалось задачей, едва ли уступающей по сложности недавней перестрелке на карьере.

Справившись с этой задачей, я тяжело подошел к окну и чуть отодвинул тяжелую портьеру. Внизу, в саду, залитом полуденным солнцем, виднелась цветочная беседка. Туда же быстрой, нервной походкой вошла Марта. Она была одна, но её руки постоянно двигались — она резко жестикулировала, потирая виски, словно с кем-то спорила. Или пыталась принять решение, которое ломало её собственные планы. «Паучиха запуталась в собственной паутине», — мелькнуло в

голове.

Тихий щелчок дверного замка заставил меня мгновенно обернуться, что вызвало резкую вспышку боли, пронизывающую плечо.

На пороге стояла Мили. Она была бледна, глаза лихорадочно блестели.

— Макс, — выдохнула она, быстро закрывая за собой дверь. — Прости, что без стука. Нам нужно срочно поговорить.

Я прислонился здоровым плечом к оконной раме, пытаюсь скрыть, как тяжело мне дается каждое движение.

— Я вас слушаю, Мелисса Сергеевна.

— Мили, — поправила она, делая шаг ко мне, но останавливаясь на полпути, словно между нами была невидимая стена.

— Простите, Мили, — произнес я, пытаюсь выпрямиться. — Я позволил себе слишком долгий отдых после ранения.

Она покачала головой, и в ее глазах мелькнула болезненная жалость.

— Какой отдых, Макс? Ты едва на ногах стоишь, а всё равно пытаешься думать о работе! Тебе сейчас нужно беспокоиться о себе, а не обо мне.

— Я в порядке, — сухо ответил я, подавляя пульсирующую боль в плече. — Скоро буду в строю.

Ее лицо исказилось от тревоги.

— Макс, послушай меня внимательно. Завтра утром Ар-

тур отправит тебя к Завадскому. К тому, кто устроил нападение в карьере. Он сказал, что это для переговоров, но это ловушка. Завадский будет знать, что это ты убил его людей. Шитов уже всё подготовил. Они хотят убрать тебя чужими руками.

Она сжала руки в замок так сильно, что я услышал хруст.
— Уходи. Сегодня ночью, пока все спят. Умоляю, беги.

Я смотрел на неё — на эту хрупкую, сломанную птицу, которая рисковала всем, чтобы спасти мне жизнь. В её волосах всё ещё путался тот самый аромат жасмина, который я чувствовал сквозь бредовый сон.

— Я не бегаяю, Мили, — мой голос прозвучал хрипло, но твердо. — Я принял контракт на вашу защиту. И пока он не будет расторгнут, я не оставлю вас здесь. Тем более сейчас. Не волнуйтесь за меня. Я справлюсь.

— Ты не понимаешь! — она в отчаянии сделала ещё один шаг. — Он убьёт тебя только за то, что ты видел его унижение на карьере!

— Пусть попробует, — я криво усмехнулся.

Она хотела сказать что-то ещё, но в коридоре раздались тяжелые, уверенные шаги. Мили побледнела как полотно и выскользнула за дверь, едва успев её прикрыть.

Я замер, прислушиваясь.

— Какие трогательные сцены, — голос Артура в коридоре ударил как хлыст. — Жена проверяет, как там спит её любимая собака? Таскаешься по комнатам моих псов, Мелисса?

— Я выполняю твое поручение, Артур! — её голос дрожал, но она старалась держать удар. — Ты велел передать ему приказ. Он только что пришел в себя!

Дверь моей комнаты с треском распахнулась. Артур стоял на пороге, его лицо исказила уродливая маска ревности и торжества. Он окинул взглядом мою окровавленную повязку и бледное лицо.

— Пришел в себя? Отлично, — он зловеще усмехнулся. — Тогда отдыхай, герой. Набирайся сил. Завтра у тебя важный день, а сегодня ночью... сегодня ночью у тебя будет особая работа.

Мили

Ночь опустилась на особняк. В моей спальне горел лишь один торшер, отбрасывая длинные тени.

Дверь распахнулась. Артур вошел в комнату, на ходу расстегивая ворот рубашки. В его глазах горел больной, дикий огонь — смесь выпитого виски и извращенной мстительности. В коридоре, прямо за порогом моей спальни, неподвижной тенью застыл Макс. Артур приказал ему встать там пять минут назад. «Охранять наш покой», — так он это назвал.

Артур обернулся к Макс, стоящему в идеальной стойке, несмотря на тяжелое ранение.

— Смотри мне, Макс, — бросил Артур с издевательской ухмылкой. — Чтобы никто не нарушил наш покой. Ни единая душа.

Он с силой захлопнул дубовую дверь. Звук удара отдался в моей груди.

Я отступила к кровати, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Артур подошел вплотную. В нем не было ни страсти, ни даже похоти — только желание наказать и растоптать меня. Это не было актом любви, это был расчетливый гнев ревнивца. Это была казнь. Реванш за его собственный животный страх в ковше погрузчика. Он хотел показать человеку за дверью, кому принадлежит эта вещь. Кому принадлежу я.

Он толкнул меня на шелковые простыни, грубо, сжимая руки так, что на коже завтра останутся синяки.

— Давай, Мили, — прошипел он мне в лицо, его дыхание отдавало перегаром, а слова жестокостью. — Покажи нашему герою, как ты меня любишь.

Я стиснула зубы, отворачиваясь, но он больно дернул меня за волосы, заставляя смотреть ему в глаза.

— Кому ты принадлежишь? — прохрипел он, больно сжимая мое бедро. — Отвечай!

— Тебе... — выдавила я, глотая подступающие слезы.

— Громче! — он грубо рванул меня на себя.

— Только тебе, Артур, — всхлипнула я, жмурясь от невыносимого стыда.

Каждое его движение было резким, направленным на подавление и унижение. Он заставлял меня выкрикивать грязные, пошлые слова, которые жгли язык. Если я замолкала,

он причинял боль — ровно настолько, чтобы я вскрикнула.

Но этого ему показалось мало. Артур рывком поднял меня с постели и потащил через всю комнату прямо к тяжелой дубовой двери. Я упиралась босыми ногами в ковер, но он грубо впечатал меня спиной в холодное дерево.

— Вот так, — злорадно прошептал он, наваливаясь на меня всем весом и вдавливая в дверь. — Пусть он прочувствует каждый твой стон. Пусть знает, как ты любишь своего мужа.

— Скажи это, — рычал он, нависая надо мной. — Скажи, чья ты! Пусть твой «герой» за дверью слышит!

— Я твоя... — с трудом подавляя тошноту, выдавила я. — Только твоя!

Я всхлипнула, произнося то, что он требовал. Я смотрела в безумные глаза мужа и плакала, понимая, что Макс стоит всего в нескольких сантиметрах от меня, по ту сторону. Раненый, истекающий кровью, вынужденный слушать этот грязный спектакль, не имея права вмешаться.

Артур не просто владел моим телом в эту ночь. Он ломал нас обоих, втапывая в грязь всё то хрупкое и чистое, что только успело зародиться между мной и моим защитником за этой проклятой дверью.

Макс

Дубовая дверь глушила звуки, но недостаточно.

Когда глухой удар сотряс дверное полотно в считанных сантиметрах от моего лица, я перестал дышать. Этот ублюдок притащил её прямо к порогу. Я физически ощущал виб-

рацию тяжелого дерева от каждого его толчка. Я слышал её прерывистый шепот, сдавленные всхлипы и фальшивые, выдвленные из себя слова, которые били по моим барабанным перепонкам больше, чем пуля снайпера на карьере.

Я стоял по стойке «смирно». Левое плечо горело адским огнем, свежие швы натянулись до предела, и я чувствовал, как по спине медленно ползет горячая капля крови. Но эта физическая боль была ничтожна.

В коридоре царила полутьма. На периферии зрения, у лестницы, маячили двое из личной охраны Артура. Помутненный, но все же солдатский разум рассчитывал варианты. Выбить замок — три секунды. Свернуть шею Артуру — еще две. И я был в миллиметре от того, чтобы это сделать.

Бесшумная тень скользнула рядом. Марта. В её руке тускло блеснул пластик шприца. Она подошла вплотную, загораживая меня от охраны на лестнице, и без церемоний рванула ворот моей рубашки с правой, здоровой стороны.

Я рефлексивно дернулся, но она больно впилась ногтями мне в ключицу.

— Тихо, — едва слышно выдохнула она, вонзая иглу в здоровую мышцу. — Сильное обезболивающее. Или ты предпочитаешь рухнуть в обморок прямо под этой дверью?

Она бросила быстрый, почти торжествующий взгляд на дубовую створку, из-за которой донесся очередной сдавленный стон Мили.

— Теперь, надеюсь, ты понял, куда попал, Макс? И чью

руку ты тогда схватил за запястье?

Марта аккуратно поправила мой воротник, скользнула прохладными пальцами по небритой щеке и растворилась в тенях коридора так же незаметно, как и появилась.

Лекарство быстро разошлось по крови. Через минуту огонь в плече начал отступать, оставляя после себя лишь ледяную, звенящую пустоту. Я сделал медленный вдох, загоня ярость на самое дно, и замер, превратившись в безжизненную каменную статую.

Идеальный часовой. Телохранитель жены олигарха, который просто ждал своего часа.

ГЛАВА IV: Торги хищников

Макс

Рассвет рассеял полумрак коридора. Действие Мартино-го обезболивающего коктейля начало медленно сходить на нет, возвращая плечу тупую, тяжелую пульсацию, но я приветствовал её. Боль проясняла разум. Она не давала уснуть и забыть, где я нахожусь и кем окружен.

Щелчок дверного замка прозвучал в утренней тишине как будильник.

Тяжелая дубовая створка распахнулась. Артур вышел из спальни, лениво завязывая пояс шелкового халата. От него несло перегаром, застоявшимся потом и тем тошнотворным самодовольством, какое бывает у трусливого хищника, только что растерзавшего беззащитную добычу.

Он плотно прикрыл за собой дверь и остановился, бросив на меня снисходительный взгляд. Проверял, стою ли я всё ещё на посту. Я стоял сбоку от косяка и не шелохнулся. Ни один мускул на моем лице не дрогнул.

— Всё стоишь, защитник? — он хмыкнул, потирая затекшую шею. — Молодец. Терпение я ценю.

Он подошел ближе. В его заплывших глазах больше не было того животного ужаса, который я видел вчера в ковше погрузчика. Только расчетливая, мелкая подлость.

— Через час ты едешь в город. К Роману Завадскому, —

произнес Артур тоном, не терпящим возражений. — Шитов передаст тебе документы. Отдашь их Роману лично в руки. Скажешь, что это мои условия по карьере.

Я смотрел прямо перед собой, сквозь него. Это был даже не приказ. Это был смертный приговор, зачитанный вслух. Поехать к человеку, чьих элитных стрелков я вчера положил, одному и с какими-то бумажками? Шитов всё-таки выполнил свою работу — убедил хозяина убрать свидетеля событий в карьере чужими руками.

— Вас понял, Артур Романович, — мой голос прозвучал ровно. — Лично в руки.

Артур криво усмехнулся. Кажется, он был немного разочарован тем, что я не стал задавать вопросов и даже не возмутился.

— Иди умойся. Шитов будет ждать тебя в гараже через час.

Он развернулся и пошел по коридору, насвистывая какой-то легкий мотивчик. Я дождался, пока его тяжелые шаги стихнут на лестнице, и медленно выдохнул. В комнате Мили была тишина. Я хотел постучать и поинтересоваться её состоянием, но зачем, ведь мне пора было собираться на эшафот.

Я прошел в ванную комнату для персонала. Включив ледяную воду, я щедро плеснул её в лицо, смывая липкий пот бессонной ночи. В зеркале отражался побледневший, осунувшийся человек с горящим, тяжелым взглядом.

— Я надеялась, что до этого не дойдет.

Голос Марты прозвучал совсем рядом. Я даже не услышал, как она вошла. Она стояла в дверях, скрестив руки на груди, и на этот раз на ней не было привычной маски покорной горничной. Взгляд был цепким и тревожным.

— У меня мало времени, Макс, поэтому слушай меня очень внимательно, — она сделала шаг вперед, понизив голос до шепота. — Все вопросы потом, а ответы — еще позже. Главное помни: Роман Завадский — это не Артур. Он не истеричка с комплексом бога и не принимает эмоциональных решений просто так.

Я попытался перебить её, но она властно вскинула руку.

— Я всё сказала. Попытайся меня услышать и отнестись серьезно! Главное — скажи ему правду о том, кто ты. Всю правду. Ты ведь явно не тот фрукт, за который себя выдаешь, Макс. Я не знаю точно, что с тобой будет там, но я сделала всё, чтобы ты вернулся живым.

Она подошла почти вплотную. Её духи смешались с запахом сырости ванной комнаты.

— Не геройствуй, слышишь? Схватишь там кого-нибудь за запястье, и оно приедет сюда отдельно от руки в подарочной коробке. Вернись, пожалуйста.

Не дав мне вымолвить ни слова, она резко развернулась и исчезла в коридоре. Я остался один, глядя на пустой дверной проем. Марта только что раскрыла карты. Она призналась, что имеет прямое влияние на злейшего врага Артура, и под-

ставилась ради того, чтобы дать мне шанс. Паутина вокруг меня стягивалась всё туже.

Я вернулся в свою комнату. Сцепив зубы от стреляющей боли в левом плече, переоделся в чистую рубашку и свежий пиджак, скрывающий объемную повязку. Проверил кобуру. Иллюзия контроля, не более. Люди Завадского меня разоружат еще на подходе.

Выйдя из комнаты, я направился к лестнице и замер.

Мили стояла у мраморных перил галереи второго этажа, неподвижно глядя в пустоту холла внизу. На ней был накинута легкий шелковый пеньюар, который не скрывал темно-лилового синяка, уже налившегося прямо у бледной ключицы. Она успела выбраться из своей спальни, словно ища хоть немного чистого воздуха в этом склепе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.